

ПРАВО

УДК 343.14

Р.Л. Ахмедшин

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ПОВЕДЕНИЯ В СИСТЕМЕ КОСВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Рассматривается вопрос о месте поведенческих улик в системе косвенных доказательств. Проведен анализ позиций ведущих ученых в области уголовного процесса.

Ключевые слова: доказательство; доказывание; личность преступника.

Установление истины в процессе предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел осуществляется путем доказывания обстоятельств, совокупность которых составляет предмет исследования по данному делу. Доказывание есть выяснение связей объективного характера между данным явлением, фактом и обосновывающими его другими фактами, явлениями [1. С. 18]. Совокупность доказываемых по делу обстоятельств образует то, что в теории доказывания именуется предметом доказывания. Применительно к избранной нами теме значимо положение о том, что при производстве по уголовному делу подлежат доказыванию обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого (п. 1. ч. 1. ст. 73 УПК РФ).

Доказываемые по уголовному делу обстоятельства при соблюдении ряда условий выступают в качестве доказательств – прямых или косвенных. «Основанием этого деления является различие в структуре процесса обосновывания доказываемого обстоятельства» [2. С. 268]. Основанием данного деления доказательств является различие в структуре процесса обоснования доказываемого обстоятельства. Прямым доказательством называют доказательство, непосредственно устанавливающее доказываемое обстоятельство, а косвенным – такое, которое устанавливает данное обстоятельство через «промежуточный факт». Обычно в юридической литературе прямым доказательством считают такое, которое прямо устанавливает виновность лица в совершении преступления. Иногда называют «главный факт» в качестве тезиса прямого доказательства [3. С. 157–158]. В контексте сказанного понятно, что сведения, получаемые в процессе анализа личностных характеристик преступника, прямыми доказательствами не являются, так как прямо не устанавливают виновность лица в совершении преступления.

Косвенное доказательство обосновывает доказываемое обстоятельство не прямо и не непосредственно, а через «промежуточные факты». Так, из сообщения свидетеля о том, что он видел оружие у подозреваемого, прямо следует, что лицо имело возможность совершить убийство (1-я стадия вывода), а из того факта, что лицо имело возможность совершить преступление, следует, что оно, возможно, причастно к убийству (2-я стадия вывода). «Промежуточный факт» в этом примере – знание о наличии у лица оружия, подтвержденное показаниями свидетеля, а содержание его показаний не идентично содержанию доказываемого обстоятельства.

Косвенное доказывание представляет сложный многоступенчатый акт, так как оно изначально прямо подтверждает некоторое промежуточное утверждение, а впослед-

ствии, через это промежуточное утверждение, подтверждает и второе, окончательное утверждение. Содержание косвенного доказательства составляют данные о таких фактах, установление которых составляет не конечную цель, а промежуточный этап конкретного процесса доказывания. Таким образом, косвенным доказательством является такое доказательство, которое в результате многоступенчатой процедуры сначала обосновывает существование промежуточного факта, а затем, через него, – предмета доказывания или его элемента.

А.А. Хмыров констатировал, что специфичность связи при оценке косвенных доказательств позволяет выделить некоторые особые виды косвенных доказательств, в частности доказательства поведения и доказательства подобия («подобные факты») [4. С. 76–92]. Отметим сразу, что данная позиция разделяется далеко не всеми авторами [5. С. 164].

«Доказательства поведения» – фактические данные о действиях обвиняемого, выраженные, в частности, в поведении обвиняемого после совершения преступления; обусловливаемые фактом совершения им преступления; действиях, производимых обвиняемым до совершения преступления и представляющих собой подготовку к его совершению; изменениях в поведении обвиняемого после совершения преступления, вызванных совершением преступления [6. С. 368–375; 7. С. 30–33]. Заметим, что, на наш взгляд, формулировка «доказательства поведения» не совсем точна потому, что в группе описываемых косвенных доказательств речь идет не о поведении как таковом, а о совокупности отдельных действий ярко выраженной ситуационной направленности.

К числу косвенных могут быть отнесены и доказательства, устанавливающие «подобные факты». Например, установленное сходство в способе совершения ряда преступлений, объектах посягательства, использование аналогичных уловок и приемов, повторяющихся элементов обстановки совершения деяния, а также наличие у обвиняемого определенных качеств (целей, навыков и т.п.) [8. С. 21–22] и др. позволяют сделать предположительный вывод о совершении всех этих преступлений одним и тем же лицом. Содержательная характеристика доказательств подобия выражается в идентичности поведенческой модели преступника в силу целостности его личности, выраженной посредством проявления устойчивых характеристик этого лица в его преступной деятельности. Сведения, получаемые в результате отражения личностных особенностей лица, совершившего преступление, в следах преступления выступают в качестве относительно самостоятельной разновидности доказательств подобия.

При реконструкции личности преступника в процессе анализа установленного расположения преступника следователю необходимо ответить на вопрос, какова для преступника причина комфортности позы, в которой он совершил то или иное действие.

Совершая непривычный акт движения, человек как бы резервирует часть сил на случай, если в процессе реализации движения возникнут какие-либо сложности. Так, человек, не имеющий опыта открывания конкретной двери, прилагает усилия в отношении преграды на уровне живота и нижней части груди. В подобной позиции рука открывающего прижата к корпусу, так как в этой позиции удобно приложить дополнительные усилия (уперев локоть в бок), если дверь открывается плохо. В данном случае локализация следов рук (дактилоскопических, флексорных или пороскопических) или разрушение пылевого слоя на поверхности двери обнаруживается на преграде в области живота или нижней части груди.

При совершении же привычного акта движения человек, «знающий» о необходимой степени усилий при открывании двери, манипулирует в удобной для каждого области на уровне верхней части груди и плечевого пояса. В данной позиции рука открывающего свободна от опоры ввиду отсутствия необходимости в дополнительном усилии. В подобном случае локализация следов рук будет на преграде на уровне груди и плечевого пояса.

Пример с наличием у подозреваемого лица оружия как косвенного доказательства его причастности к совершению убийства базируется, как уже говорилось, на схеме «была возможность → может быть причастен». Наблюдается двухступенчатый акт процесса косвенного доказывания.

Рассмотрим процесс косвенного доказывания сведений о личности преступника, нашедших отражение в следах преступления.

Способ открывания двери обусловлен сформированной совокупностью автоматизированных действий по открыванию двери. Таким образом, процесс косвенного доказывания базируется на трехуровневой схеме «есть способность → была возможность → может быть причастен». Как видно, уязвимость процесса доказывания в рассматриваемом случае повышается. Например, часть «есть способность» может быть оспорена выдвинутым следующим аргументом: вышеописанный алгоритм открывания двери может быть также обоснован некоторыми проблемами со здоровьем лица (например, артритом), особенностями строения конечностей (большая или малая длина рук) или состоянием аффекта, деавтоматирующего привычную совокупность действий. Таким образом, мы приходим к присущей для трактовки поведенческих следов неоднозначности. Однако при рассмотрении поведенческих следов в комплексе достаточность содержательной информации, необходимой для полного описания

события преступления (или его элемента) и индивидуализации обвиняемого, резко повышается.

Мы полагаем, что сведения, получаемые в процессе анализа личностных характеристик преступника, соответствуют требованиям, предъявляемым к косвенным доказательствам, так как содержат обоснование существования промежуточных фактов (трех и более), а через них – предмета доказывания или его элемента. Таким образом, рассматриваемые сведения выступают разнообразно доказательством подобия.

Мы солидарны с А.А. Хмыровым в вопросе о допустимости использования в качестве косвенных «доказательств поведения» и подобных доказательств, однако подчеркнем, что только на этих доказательствах, сколько бы их ни было, основывать вывод о виновности нельзя. Эти данные, взятые отдельно, не несут достаточной информации, необходимой для полного описания события преступления и индивидуализации обвиняемого [4. С. 73].

Дополнительной ценностью рассматриваемой группы сведений в процессе расследования выступает их возможность выступать в качестве ориентирующей информации, прежде всего, при поиске неизвестного преступника. Законы, по которым во внешнем мире отображаются особенности личности преступника, объективны и достоверны, а их использование в процессе расследования мы считаем крайне важным. Однако в процессе доказывания при оценке доказательства мы предъявляем повышенные требования к истинности фактов, стараясь исключить вероятность ошибки, поэтому в процессе расследования преступлений сведения о личности преступника, отразившиеся в следах преступления, должны быть подтверждены доказательствами прямыми, так как «во избежание ошибок с оперированием косвенными доказательствами должны быть применены требования косвенного доказывания в целом» [1. С. 31]. Хотя последнее положение может быть несколько неопределенным в силу выделения преступлений, «по которым практически возможно получение только косвенных улик» [9. С. 35].

Система косвенных доказательств должна достоверно устанавливать в своей совокупности соответствующий факт, опровергая противоречащие ему объяснения. При построении системы косвенных доказательств важно учитывать и наличие самостоятельных и независимых источников фактических данных, устанавливающих один и тот же факт.

В завершение можно резюмировать, что грамотные, практически выверенные действия органов уголовного преследования по собиранию косвенных доказательств способствуют реализации задач уголовного процесса в части раскрытия преступления и разоблачения лиц, виновных в его совершении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соркин В.С. Особенности процессуального доказывания в уголовном судопроизводстве. Гродно, 2002.
2. Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973.
3. Бекешко С.П., Матвиенко Е.А. Уголовный процесс. Минск, 1979.
4. Хмыров А.А. Косвенные доказательства в уголовном процессе. М., 1979.
5. Уголовный процесс : учеб. / под ред. В.П. Божьева. М., 2004.
6. Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955.
7. Мудьюгин Г. Косвенные доказательства, связанные с поведением обвиняемого // Социалистическая законность. 1961. № 6. С. 30–33.
8. Винберг А.И., Миньковский Г.М., Рахунов Р.Д. Косвенные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1956.
9. Тяжкие и особо тяжкие преступления: квалификация и расследование : руководство для следователей. М., 2001.

Статья представлена научной редакцией «Право» 2 апреля 2012 г.